

Поваренные КНИГИ пауков-людоедов

18+

Эллис Патрик

Патрик Эллис
Поваренные книги
пауков-людоедов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69548740

SelfPub; 2023

Аннотация

Бинг и Ригби – эдинбургские шеф-повара, живущие в мире эстетов, мороженого, ресторанов и сект. Лишний раз лучше не связываться в проблемы. Ведь мир полон опасностей... Однако болезненные воспоминания одного из них вынуждают поваров повернуть безумную авантюру, которая не обойдется без мести, отрубленных конечностей, пауков-людоедов и... Курта Кобейна?

Содержание

1. Клей	4
2. Повар	10
3. Лошара	15
4. Шут	20
5. Холм	23
6. Курица	28
7. Офицер	31
8. Умник	35
9. Счастье	41
10. Деревья	45
11. Мухи	49
12. Доволен	55
13. Акация	57
14. Отцы	60
15. Анализ	65
16. Педик	67
17. Уолтер	69
18. Пауки	71
19. Любовь	75

Патрик Эллис

Поваренные книги

пауков-людоедов

"Кухня – трудная среда обитания, которая формирует невероятно сильные характеры"

1. Клей

Славный парень Уолтер... каким человеком он был! Верным другом, преданным товарищем. Настоящим героем для будущего поколения, гордостью для прошедшего. Искренность души Уолтера можно было бы сравнить с радостью осознания выходного дня. Помноженной в десять раз.

Уолтер знал много альковных секретов шеф-поваров, и, словно сынок богатого менеджера по продаже дверей – богатство этого гипотетического менеджера обусловлено нежеланием людей трудиться, которое, к слову, не было присуще Уолтеру – получал бесплатный ужин.

Бывало, заходит Уолт, верный друг, списочек кладет на стол. А там – черным по белому, как любил Уолт – написано: «Сегодня, Густав, я предпочту омара, запеченного под соусом Бешамель». Чуть дыша, Густав, земля ему пухом, на-

чинал готовить.

Кто такой Густав? Повар. Повар, готовящий когда-то самому Уолтеру! Густав, бывало, приходил домой и, почесав щетину и порезав пальцы – проклятье поваров, поверьте, во многих профессиях есть такие вот штуки – закатывался на кровать, прижимая жиром свою жену. А утром, как не бывало, опять чешется и, оставляя в усах крошки из-под хлеба, выдвигается на работу, не удосужившись поцеловать жену. Да что там поцеловать! Чмокнуть. Он ее даже не чмокал.

Любил Уолтер травку. Ну, знаете, ту, которую курят качки с золотыми цепями, попивая виски в своих мерседесах. У Уолтера, как и у любого уважающего себя и уважаемого другими человека, собственно, был свой поставщик – мелкий Фрэдди.

Ничем не примечателен был Фрэдди. Красоты в нем просто не было, а душевные качества людям не свойственны. Когда он проходил мимо красивой девушки и, само обаяние, выпячивал зубы в белоснежной улыбке – зубы Фрэдди, точно стрелы полуголых раскаченных варваров пронзали сердца всех встречных людей – то, разумеется, женщины в страхе убегали, принимая Фрэдди за маньяка, пришедшего из фильмов джалло. «Водолей» смотрели? Тогда понятно, что Фрэдди своей улыбкой делал.

В общем, Фрэдди – не Уолтер. Значит, урод. Фрэдди – не Густав. Значит, бедняк. Так что же он забыл здесь? К чему упоминание этого растамана – все знают, что Фрэдди бе-

лее Натаниэля Бедфорда Форреста, тем не менее, культурная апроприация дает нам право называть Фрэдди растай без угрызений совести – спросите ли вы меня? Короче, этот урод мочканул Уолтера.

Идет как-то Уолт по улице, курит травку и тут – БАМ! – осознает, что травка-то иссякла. Пошел он к Фрэдди. А Фрэдди, истекая слюной, валялся на полу. Уолт к нему в квартиру пришел, дверку открыл.

–Ох! Чувак, – протараторил Уолти, закрыв нос рукой, – место-то премерзкое.

А Фрэдди было пофигу. Лежит себе, да кайфует.

–Будда...

Друг наш – я про Уолта, если что, – не походил на рядовых шотландцев. Потому, говорил он не «Господи». Не «Господь Всевышний». Даже не «Боже». А «Будда». Просто «Будда». В любой ситуации молвил он «Будда». Кто это? А кто его знает. Уолту было начхать.

Поднимает он Фрэдди, по щекам шлепает, будто об грушу боксерскую ладошки разминает. А Фрэдди ему только:

– Пххххххх...

Слюни летят, на лицо попадают. И Уолта злят. Ну, наш друг и рассердился – уж поверьте, не на шутку. Уолт Фрэдди пнул, пошел в соседнюю комнату. В ящечках пошерудил, таблеточки розовые нашел. Честно, сейчас не вспомню... как бишь их... короче, хрень лютая. Уолту нравилось, похлеще лучшего ганжубаса работало. Таблеточки он взял,

на ходу запил, Фрэдди по плечу похлопал, из дому вышел.

Как всегда.

Идет Уолт по дороге, таблеточки действую. Зрачки расширяются, сердце стучит. Слюни текут, Уолт их вытирает. Крутость нашего брата зашкаливает – вылитый Стэтхем! Уолт – случилось такое нечасто, – присел, чтобы перевести дух. Смеркалось. Хоть было утро.

«Что за колесики он мне подсунул...»

БАМ! В голову залетает очаровательная идея. Пойти к Густаву. И заказать любимый им давно деликатес. Омара. Под соусом Бешамель.

И пошел Уолт в ресторан. И подошел к бару. И потребовал он Густава. Да будет он проклят, коль не выйдет ко мне, не поприветствует, как подобает, не приготовит ему Омара. Под соусом Бешамель.

Уолт пошел в туалет. На входе тоже какой-то повар. Типа, повар. Весь в крови, грязный, потный.

– Зачет, чувак! Шикарные ботночки...

Три кабинки, освещенные тусклым светом лампы. Уолт – ему это было свойственно, – плюхнулся на сидушку унитаза средней кабинки, предварительно сняв штаны.

Прохлаждаясь там, он вдруг понял, что ему нужно. А нужно ему было как следует отхерачить Фрэдди. Начистить рожу дилеру. Нанести ему тяжкие увечья. И накуриться с помощью бульбулятора. И накурить с его помощью Фрэдди.

Откуда, спросите вы, у Уолта возникли такие мысли?

Ну... фиг его знает. Я же пересказываю историю, а не сочиняю ее на ходу, пытаюсь соблюсти всевозможные... как бишь их... А, по фигу.

Так в чем дело? Зачем я рассказываю вам эту историю? По факту, чтобы удивить. Уж поверьте, есть чем.

Уолт попробовал встать... но зад плотно сидел на сидушке. И не собирался отрываться, уж простите за фривольность.

Дерг-дерг.

Кожица немного оттягивается, все.

Дерг-дерг.

Кожа плотно сидит.

Дерг-дерг.

Знаете, что случилось? Славный парень Уолтер, верный друг, преданный товарищ, прилип из-за предварительно разлитого там супер-клея.

Смотрит Уолти вниз. Какой-то чувак подходит. Ручками замахивается, баночку вниз бросает.

ХЕРАК!

Стеклышки в стороны летят, под кабинку попадают. Уолти ножками стеклашки придавил – нравился ему звук стекла давимого ногами. Смотрит – прямо перед ним – ползет кучка муравьев. Пригляделся Уолтер...

А ползут там не муравьи. Ползет там жирный паук. Ножками шерудит, глазками Уолти разглядывает. Уолт пауков ужас как боялся. БАМ! – раздавил паучка. И тут же масса

мерзковатых насекомых поползла в штанишки Уолтера.

Паучки скопились в трусах как песок в плавках. Уолт сидит, в немом крике застыл. Пауки стали лезть на ноги. Уолтер трясет ими, паучки падают. Однако белоснежный изысканный унитаз предательски подвел Уолтера. Они стали облеплять его и лезть вверх, к ягодицам. А когда доползли стали вцепляться в них клешнями.

Уолт чувствовал, как их яд жжет его ягодицы. И пока он дергался, пытаясь встать с унитаза, пока мужчина, разбивший банку, медленно уходил прочь, паучки стал забираться по ногам Уолтера. К паху. Ягодицы были искусаны и паучки сжигали кожу Уолта ядовитыми железами. Кристаллическая струйка стала стекать по белоснежному фарфоровому другу. Пауки под кожу закапываются, мясо есть начинают. Кусочки медленно отрывать. И звук издавать, на подобии – хррррых. Мясо отрывают и едят. А Уолт прыгает, давить их пытается. А они, вместо того, чтобы благополучно умереть, дальше, в мясо зарываются. И струйки крови брызжут на пол, на стены кабинки.

А Уолтер кричит да кричит.

Весь персонал знал, что просидит он там долго, ведь никто не станет готовить, пока не появится шеф-повар.

2. Повар

«Повар-убийца отправляется в город, детка! И пока он встает и одевает штаны, не уходи далеко, лады...»

Бинг медленно поднялся с испачканного в лютой смеси порошка и вина дивана. Он искал свои штаны. Пропажа их – странная штука! – стала своего рода традицией. Бинг с присущей поварам хладнокровием рылся в кабинете в поисках брюк. Черная PRADA, синоним, некогда подобранный его женой. Рядом – клетка с дохлой чайкой. Кажись, Бинг оторвал ей голову.

Хаотично растущие волосы придавали Бингу «бесшабашный» вид, а сломанный нос, прямо как у Оуэна Уилсона, напоминал о его прошлом при всяком взгляде в зеркало. Два задних зуба почернели от кариеса, уж простите, шеф-повар, он и есть шеф-повар. Ногти выпирали из пальцев рук и, к сожалению поваров, были изгажены слоновьим калом, любезно предоставленным поставщиком «Жирного зайца». Правое веко прикрывало зеленый глаз Бинга, из-за чего он выглядел старше своих лет – по крайней мере, ровесники обращались к нему на «вы».

Бинг пошерудил под ковром – чистым! – и, стремясь побыстрее выйти из кабинета, дабы избавиться от похмелья, натянул голубые шортики, шортики, некогда принадлежавшие его отцу. Портрет отца висел над входом. Бинг, бывало,

разговаривал со своим отцом. Ну, вернее, с его изображением. Плеснет виски, сигарку закурит – пых-пых – на кресло упадет и давай голосить, про жизнь повара рассказывать. Про блюда разных стран. Про омара под соусом Бешамель, про классическую итальянскую пиццу. Но не про мороженое.

Когда Бинг, прогуливаясь по улице, встречал фургоны с мороженым, стоящие на перекрестке и зазывающие веселой музыкой народ, он чувствовал учащенное биение своего сердца, всплеск адреналина. Задышался, бежал прочь. Ибо каждый раз видел перед собой отца, отлетающего на десять метров при столкновении с фургоном с мороженым.

Настоящая травма. Он не стал бы убирать из меню все виды мороженого. Не стал бы отговаривать встречных детей от употребления кисломолочного продукта. Не стал бы разрушать собственными руками баннеры мороженого. Не стал бы угрожать расправой несущим эти баннеры с той же гордостью, что несли крестные знамя рыцари, дабы освободить Иерусалим от вражеской веры. Не стал бы, в конце концов, ненавидеть мороженое, если бы мороженщик насмерть не сбил его отца. Пять лет тому назад.

Фиг с ними.

Бинг вышел из кабинета в таком виде. Прошел вдоль рядов приспособлений для готовки, вышел на улицу. Там, собрав скопище мух, лежал черный бомж, недавно обкурившийся у входа, начавший приставать хостес. Но, как вы

уже поняли, Бинг разобрался. Не сам, разумеется, а с помощью полиции, разрешившей ситуацию через минут тридцать. Бомж, увидев Бинга, прокашлялся и, вскочив на ногу, подбежал к Бингу.

– Бхнг, Маса Бхнг, – его речь было практически не разобрать, – моя рада ты вид.

Бинг прошел мимо. Он шел к своей цели, находившейся в здании напротив.

– Маса Бхнг, Маса, Бхнг, – не унимался бомж, – моя ты любовь. Моя ты помощь.

Бинг, вечно грустный, прошел мимо, попутно отмахиваясь от чудовищной вони, исходивший от... аборигена? Повар испытывал невероятную гордость за свою культурную принадлежность. Он не выходец из Синегала, Нигерии, или как их там? Он – чистокровный шотландец, выходец из приличной семьи. И плевать, что Ригби настаивает на превосходстве потомственных дворян, носителей имени Бьюкеннонов или Лесли. Хотя он был бы не прочь породниться с Лесли. Роуз всегда казалась ему милой.

Но было не до шотландских кланов, ибо Бинг думал лишь об ярости воинов своей страны. Да поддержат они его в битве с несправедливостью. Да свершиться возмездие. Чистое и сладкое.

Бинг вошел в кабинет – на этот раз, принадлежащий врачу, знакомому Бинга. Врач, узнав пациента, отложил стопку еще свежих бумаг – только из принтера, – и, сделав привет-

ственный жест рукой, сказал:

–Мистер Бьерсон...

Бинг не зря взял с собой терку для сыра. Ей было удобно бить – гораздо удобнее, чем скалкой, или же ножом. Он подошел к доктору и, приведя терку в горизонтальное положение, ударил доктора. В нос.

Кровь брызнула на стол. И потекла струйкой.

Удар.

Доктор упал. Ручеек, содержащий достаточно высокую консистенцию тромбоцитов, стал течь с большей силой, превратившись в ручей. А доктор молчал.

Бинг, напрягая правую руку насколько это возможно, бил доктора. Терка застряла, когда лезвия проткнули его щеку. Бинг дернул оружие, наносящее увечье врачу, забрав с ней кусочки кожи с кровью. Бинг размахнулся еще раз.

Мечь за скрытый анализ.

Мечь за не рожденных детей.

Мечь. Чистая и сладкая.

Кровь текла и текла.

Еще раз.

Образовалось озеро.

Ещ...

Босая нога Бинга, издав крякающий звук, скользнула вперед. И попала под изящно обрамленную батарею, находящуюся так низко, насколько это вообще возможно. Ногти, словно отклеились, издав звук растягивающегося жидкого клея.

Бинг опустился на ягодицы – хрясь! – стопа Бинга хрустнула.

Бинг опустился на спину, крича в агонии. И в кабинет вбежал персонал «Онкологической клиники имени Джонатана Керсти».

3. Лошара

Ригби Резерфорд любил в своей жизни три вещи: свою мама, свою работу, свой род. Быть одним из немногих оставшихся в живых членов клана доставляло Ригби какое-то трансцендентное удовольствие, сравнимое с времяпровождением около любимого человека, который, к слову, у Ригби отсутствовал. Его не влекли женщины, однако возбуждал жир от стейка, попадающий на его фартук. Не подумайте лишнего, Ригби не был жирным, наоборот, чрезвычайно худым. В детстве мама даже водила его к психологу, ведь ей казалось, что любая проблема возникает в результате процессов, происходящих у ребенка в мозгу. Психосоматика.

Ригби не страдал анорексией. Он не приобретал рак кишечника. И ел он нормально. Но худоба всегда оставалась с ним. В самые сложные минуты своей жизни он был худым. Когда его обливали слоновьим калом, худоба оставалась. Когда мужчины по телевизору, поправив гейский галстук и проведя нежно рукой по лоснящимся волосам, убирали пальца рук в карманы накрахмаленного пиджака и, чмокнув губами, говорили, что нет ничего бесконечного, и ничто не длится вечно, Ригби продолжал быть тощим, как Тревор Резник.

Коллеги не обращали внимания на худобу Ригби, несмотря на – надуманную, если подумать, – ненависть со сторо-

ны шеф-повара Бинга. Бывало, придя на работу, Ригби пересекался с Бингом. Тот, всегда припудренный тем, что у нас называют «пшиком», начинал то снимать круглые очки Резерфорда, то лить на его аккуратно зачесанные назад волосы подсолнечное масло.

А Ригби был умным. Ригби держался с гордостью своего предка, лорда Эндрю. Неотъемлемой чертой лорда Эндрю была стойкость и, как любят говорить американцы, приверженность типу «пассивного рассказчика». Читали «Великого Гэтсби»? Малютка Миртл – тихоня. Кончает жизнь самоубийством. Джей Гэтсби – бунтарь. Убит мужем Мирт. Ник Кэрруэй – «пассивный рассказчик». Именно таким нужно быть, чтобы выжить. И хоть Ригби не любил американскую культуру, а Фиджеральда в гробу видал, он придерживался правил, заложенных предками. Следуя этим правилам, Ригби пришел к единственному правильному выводу – он и есть «рассказчик». В то время как Бинг – бунтарь. Бунтарь перетягивает на себя внимание, впоследствии умирает. От рук толпы, мужа любовницы, Хиллари Клинтон, Ктулху. Этот персонаж обречен, странно лишь, что сам не знает об этом. Пора бы прочесть Фиджеральда, поколение Y. Или, хоты бы, Фолкнера.

Ригби, проснувшись рано утром и посмотрев на часы, обнаружил, что проснулся он на два часа раньше. Делать ему было нечего, поэтому он вышел на работу со свежим мятным запахом изо рта. Похлопав по животу – скорее ребра, – Риг-

би выдвинулся в путь. Уверенность в су-шефе росла с каждым шагом.

Ригби приготовился «острить».

Не как Крис Рок или Мартин Шорт.

Ригби всю неделю смотрел как лучшие комики мира, политики, рассказывали народу всевозможные анекдоты. Люди животики с хохоту надрывали. Вот и Ригби подумал, что пора ответить шефу Бингу. Послать лорда Эндрю куда подальше.

Почему? Ригби надоели экстравагантные выходки Бинга. Пришел Ригби как-то на работу, а шеф из-за угла выскакивает. В маске обезьяны. С половником.

– Царь Обезьян не пропустит тебя в мои владения! – кричал Бинг, хлопая половником по голове.

Он был пьян. И Ригби простил его.

Пришел как-то Ригби на работу, а шеф с ведром стоит. Проходит мимо, подчиненного обливает водой. И начинает:

– Куда ты прешь, урод!

Он был зол. И Ригби его простил.

Раз за разом он прощал его выходки, приправленные запахом метамфетамина и вина урожая две тысячи третьего года. Но после «слоновьей шутки» – о ней мы говорить не будем – пришел конец терпению и всепрощения. И Ригби, паймальчик, хоть и не мог убить ненавистного шефа, но имел возможность язвить.

И... ВОТ!

Ригби входит, открывает дверь ногой и, задыхаясь от предвкушения работы языком в качестве барьера, говорит:

– Скажи лук, шеф Бинг!

– А Бинга нет, – сказал кондитер, – Бинга увезла скорая.

Тогда, Ригби, опустившись, закончил сам.

– По лбу стук...

Тоска – так же резко, как удар молнией, – охватила сушефа. Попытка язвить не удалась. Неловкость. Только Ригби решил сменить образ галантного джентльмена, как вдруг Бинг пропадает. Как ни крути, пошло все пло...

Секунду... скорая? Какая еще скорая.

– Не бось выпил чуть больше обычного, – продолжил Ригби, пытаясь выйти из ситуации победителем, – бывает. Даже лорд Энрдю напивался.

Кондитер, опустив брови вниз, облокотился на столик, переполненный всевозможными специями и инструментами для готовки.

– Нет. Избил мужчину до потери сознания, – отвечал кондитер.

В его голосе не звучала фальш, хотя предложение вначале показалось Ригби полнейшей нелепостью. Чушью. Бредом. Называйте, как хотите.

Ригби постучал по ребрам и ухмыльнулся – точь-в-точь Джеймс Динн. Точно похож на дерзкого паренька.

– Да ну, – худой вел себя слишком самоуверенно, и оттого у кондитера началась легкая паника, – а если я ему позвоню.

Хоть сейчас.

Ригби сделал изящный жест рукой и опустил руку в карман недавно купленных синих слаксов. Модель прямого кроя, обладающая классической посадкой. И да, они выделяли Ригби... с нужных сторон.

Карманы – в них не было ни пылинки, Ригби терпеть не мог набивать карманы всякой всячиной, типа конфеток, – идеально подходили для вмещения телефона. Кнопочного, подаренного мамой.

Ловкие руки су-шефа набрали номер. Отобразилась надпись: «Люшара».

Гудки пошли.

4. Шут

Она закапала в глаза. Еще каплю. Потянулась. Встала и подошла к табурету. На нем – стопка кулинарных книг. Каждая – история. Многие находят скучным использование поварами точных единиц измерения. Однако ее эти единицы, бесконечные цифры, успокаивали.

Взбираясь на гору, ее муж, как всегда с крошками в щетине, рассказывал множество разных легенд. Бывало, начинал повторяться. Но ее это не смущало. Для нее – это было отдушиной, способом проветрить себя, свою голову.

– Нравиться! – кричал он, пытаясь донести до жены мнение сквозь ветер.

– Что? – спрашивала она, не разобрав не одной буквы.

– Говорю, нравится мне одна легенда, – начал он, почесав нос большим пальцем, – о медведе и шуте.

И начал муж ее рассказ:

Жил когда-то шут-неудачник. Прогнали его из деревни за шуточки похабные. Брел этот шут к дворцу, на площадь, хотел себя проявить. И встретил по пути Медведя. Медведь ему говорит:

– Пойдем мой друг, всех рассмешим, я помогу тебе.

А Шут ему:

– Нет, ты медведь, дикий зверь, ты убьешь короля и его детей.

А Медведь:

–Клянусь вести себя достойно.

Шут согласился. Пришли они в замок, Короля смешить начинают – король был любителем шуток, брал он всяких подозрительных типов на службу, – кажется, получается. Нет только вдумайтесь, что дальше произошло! Медведь прыгнул и загрыз короля, его свиту, его друзей, его семью. Кишки раскидал повсюду. Шут ему:

– Медведь, ты что, охренел! Ты же дал слово! Зачем ты это сделал!

А Медведь ему:

– Потому что я медведь!

Муж закончил рассказ.

А у нее закончились капли.

Она пошла в ванну. Открыла шкафчик и достала флакончик кроваво-красной жидкостью. Начала капать в глаза. Обычно помогает. Сценический грим пришелся как нельзя кстати.

Встретились Пистолет и Лицо. Лицо говорит:

– Пистолет, перетащи меня на другой берег.

А Пистолет:

– Хорошо.

Застрелил Пистолет Лицо. Встречаются он в раю, Лицо спрашивает:

– Пистолет, ты что, охренел! Ты же дал слово! Зачем ты это сделал!

А Пистолет:

– Потому что я пистолет!

Она наложила пару-тройку слоев грима. На всякий случай. Чтобы все выглядело убедительней. Затем, выйдя из ванной, разбросала по комнате журналы «Плэйбой» по всему дому и, найдя свой телефон, начала вводить сообщение мужу.

Встретились как-то в баре пиво и швабра. Пиво булькает:

– Не вытирай меня!

А швабра:

– Хорошо.

Потом – ШЛЕП! – швабра опустилась на пиво и стерло.

Встречаются в раю пиво и швабра, пиво говорит:

– Швабра, ты что охренела! Ты же дала слово! Зачем ты это сделала!

А Швабра:

– Потому что я, нахрен, твоя жена, гребаный урод!

Она осмотрела комнату – вакханалия, – получилось здорово. Мизансцена готова. Встав посередине комнаты, она начала искать подходящее оружие для завершения постановки. Нож, пистолет – ересь. Банальщина. Остановив взгляд на безобидной пастиковой банке с краской, она подошла к ней и, взяв, – словно младенца! – повернула к себе.

И отпила.

5. Холм

Когда рододендроны скрылись из виду, когда показалась верхушка холма, когда солнце перестало печь, когда капельки росы начали потихоньку высыхать, только тогда шеф-повар Бинг сказал:

– Охереть... я, кажись, рюкзак забыл.

Он попросил голубоглазую Мэрибэлль подождать – дай пять минут – и стремительной походкой направился вниз. Пройдя вдоль туристической дорожки, Бинг заметил скопище голубей, клюющих хлеб с земли. Повар, достав оставшийся после крупного банкета ломтик из карман, покормил птичкам – наслаждайтесь! Потом, вышел на поляну, где нежась в лучах утренней звезды, ворковали другие голубки, которых Бинг кормить не собирался. Эти голубки, постелив на земле персидские ковры и расставив свечи – свечи?! – обсуждали свою жизнь, попутно прикусывая французские багеты, купленные в ресторане Густава, и время от времени попивая совиный блан, привезенные из долины Луары.

Бинг подобрал рюкзак, оставленный на сосновой скамеечке с выдолбленными китами посередине, и побежал обратно. Взобравшись кверху, увидел он Мэрибэлль, чью футболку бережно ласкал прохладный ветерок.

– Ну... какую музыку любишь? – спрашивала она, ровняя разбросанные от ветра волосы.

– Типа, фонк или джаз? – отвечал он вопросом, массируя аккуратно разболевшуюся внезапно голову.

– Типа, поп или синт... – она покосила на Бинга томный взгляд, – только ты не говори, что ты не слушаешь музыку.

Бингу хотелось побыстрее свалить. Они взрослые люди, Мэрибэлль уже за тридцать. А вела она себя как... как долбанная француженка. Благо, она одна из крупного списка:

Клэнси Рой

Уилла Терн

Нэнси Кастер

Лиз Шеннон

Саманта Уилкинс

И в самом конце аккуратная подпись: «Марта Уркрорд». Которую на самом деле звали Мэрибэлль Уудфорд. Мерзковатая дама.

Всегда есть какой-то список. Неважно, кто его создал. Неважно зачем. Всегда есть. Почему мы создаем их? Перенести страхи? Понять страдания? Увековечить себя? Не забыть купить жене бычьи яйца?

– Слушай, я... я подумал, что, пожалуй, пойду.

– Куда? – спросила Мэрибэлль, скрестив руки на груди.

– Эм... наверх, – он подтянул рюкзак, – наверное, мне с тобой делать нечего.

– Что ты сказал?! – Мэрибэлль хотелось просто найти перца, чтобы насолить бывшему – забудьте – поэтому она постаралась убрать из голоса нарастающую стервозность. – Кхм-

кхм... куда ты собрался, милый?

Значит, на «милого» перешли. Черт. Пора катиться рога-ликом отсюда. Этой стерве что-то точно нужно.

– М... милый? Ты что, серьезно?! Ты знаешь кто я!

Слишком резко. Отлично. Ему нужно высказать весь поток негатива, накопившийся за их поход. Сперва она рассказывала как отравилась нагетсами, потом повествовала о великом потопе в квартире, за одно рассказала об умершем от лейкемии свекре – умер он пять лет назад, с мужем она развелась – и, разумеется, упоминула о похмелье после... после того, как ее кота переехала битономешалка.

– Ты... – хотела было сказать он, для чего шагнула вперед.

Списки создавались еще при Хамурапи. При Александре Македонском.

– Заткнись, – Бинг не справлялся с собой, не сдерживался, – на секунду закрой хлеборезку и прекрати поток тупости. Кому нахрен важно какую музыку я слушаю?! Кому нужен твой долбаный кот ! В рот паролод...

Списки создавал Теодор Рузвельт, Джон Кеннеди.

Мэрибэлль смотрела на него, вылупив глаза, от чего походила на мопса.

– У тебя, – Бинг брызжал слюной, – у тебя сиськи как уши лабрадудля!

Список Майка Чепмена. Список Чарльза Мэнсена.

– Пошла нахер, стерва конченная!

И он наорал на нее. А она, подтянув лямки рюкзака, про-

должила стоять и смотреть, точно статуя древнегреческой богини, подвергшаяся термической обработке. Потом, достав из сумки полимерный пластик и развернув его, явила Бингу пять белых таблеточек – то ли от головной, то ли от зубной боли.

– Я... я отравлюсь этими таблетками прямо здесь, если не извинишься.

«Охеренно, блин», – прокрутилась в голове Бинга мысль.

– Ты их специально взяла, а? – циничный ответ Бинга заставил ее прослезиться, – Хорош жеманиться, тебе делать больше нечего? Я чертовски устал за год работы, нашел время, только чтобы найти классную телочку. Надо было ехать в Ирландию, как прошлым летом... или пойти в бордель.

Бинг часто посещал эскорты. Приходил, снимал проститутку, гулял с ней по городу, рассуждая о вещах материальных, духовных... и о кухне. Зачастую, Бинг выбирал тему для разговора, а эскортница покорно слушала, время от времени вставляя что-то вроде: «Да ну», «Офигеть», «Умереть не встать», «Хреновенько». А на десерт было: «Ты такой смешной». Идеальный вечер для двух половинок. А вы знали, что проституция приобрела ауру целительного занятия только в двадцать первом веке? И что некоторые в этой сфере получают больше, чем космонавты?

– Ты... ты классный.

Просто так. Без причины. О! Да как?!

– О чем ты? – презрительно спросил Бинг.

– Мне нравятся бесчувственные, – ответила Мэрибэлль.

Бинг обомлел. Рюкзак спал с плеч и плюхнулся на сырую траву, издав звук, что вы слышите при взмахе длинными волосами. Муравьи разбежались в стороны, стремясь найти подходящее место, для обоснования нового жилища.

– Они меня заводят, – Мэрибэлль подошла ближе, убрав волосы рукой, – и кажется мне посчастливилось попасть на того человека.

Мэрибэлль подошла и аккуратно положила руку на грудь Бинга, верхняя губа которого обнажила желто-зеленые резцы, в то время как нижняя чуть отвисала. Поднявшиеся наверх брови создавали на лбу Бинга клубничное желе, политое ванилью. Рука Мэрибэлль стала опускаться вниз. Легонькими касаниями она заставляла мурашки пробегать по дубовому телу. А когда пальцы коснулись ремешка брюк... Бинг резко отбежал в сторону, заставив клочки земли подняться от ног. Шеф-повар побежал на вершину холма, где росли небольшие кусты акации, посаженные туристами пару недель назад.

– Котик, ты куда?!

Но Бинг только сильнее зашевелил ногами. И, добравшись до акаций, вырвал одну, кинув ее в Мэрибэлль и крикнув:

– Не звони мне, старая ведьма!

6. Курица

– Однажды курица захотела стать членом...

– Гос-споди! – воскликнул Фредди, уронив вилку на алый ковер, – зачем она захотела это с-сделать!

– Нет, – попробовал оправдаться наш Уолти, – ты не понял, чувак! Членом мафии.

Фрэдди вылупил глаза и уставился на Уолтера, ожидая продолжения анекдота.

– И курица пошла к рядовому мафиози, – продолжил Уолтер.

– А он что? – интересовался Фрэдди.

– А он ей: «Мафии не существует», – Уолтер похрюкивал от предвкушения развязки, – а потом курица пошла к дону мафии. А он ей: «Мафии не существует». Потом она пошла к...

– Маме мафии? – попробовал сострить – неудачно – Фрэдди.

– Нет, чувак, – Уолтер напрягся, – к основателю мафии. И он говорит: «Мафии не существует».

– Брехня полная.

Фрэдди наскучила эта вакханалия и он поспешил отойти в туалет. В придорожном кафе сидели скопища туристов, нервно переглядывающихся, будто ожидая того или иного... события.

А Уолтер в голове прокрутил анекдот до финала. А там, чуваки, такая хрень произошла! Но не к спеху. Уоллитолт – как не его еще назвать? – решил не ждать приятеля. Он встал, собрал вещи, курнул на последок и ушел, так и не объяснив, что шуточка, вообще-то, предназначалась для введения Фрэдди в курс дел. Уолти предстояло подолгу пропадать в ближайшее время, ведь он вступил в мафию. Если ее можно было так назвать.

Уолтер ехал по трассе, попутно ловя лобовым стеклом пыль. Красный кадиллак, начищенный до блеска. Уолти толк в этих вещах знал. Хрумк! Радио включил. Хрумк! Бжжжж.

«Нью «Эйсид Шеф» представляет новый горячий трек от... «Петрубатора». Представляем композицию под названием «Ловинг Льюз»».

Уолтер, горбатый Уолтер. Остряк и славный парень. Ветер дул в уши и шептал:

–Уолтер. Тебе нужно разжиться косой.

А что, у многих мафиози было фирменное оружие. Чем Уолтер хуже. Прикупить пушечку, ружье, нож, тесак, молоток... впрочем, этим обжиться мог каждый. Но вот косой... вот так и началось похождение славного парня за легендарным оружием.

«Приготовление «стейка Густава» дело кропотливое. Нужен лучший стейк, желательно из молодого ягненка. Отбейте мясо. После этого маринровка – рецепт которой, увы, не известен – и вновь отбивка. Потом прожарка, обязательно

с кровью. Сервировка крайне важна – подавать с тремя со-
усами и розмарином в аккуратно выплавленной тарелочке –
без нее ничего не выйдет. Нарезьте слив и – вуаля! Вы при-
готовили «стейк Густава», признанный «Ассоциацией повар-
ов Шотландии» – можно просто «Апш» – лучшим стей-
ком, приготовленным Шотландцем до возраста свершения.
Уж поверьте, попробовать его стоит, даже если вы не изыс-
канный и утонченный критик-гурман, а обычный обыватель,
вас не оставит равнодушными прекрасный «стейк Густава»».

Уолтер слушал бы радио еще долго, если бы не зазвонил
телефончик – модный, как у папки – Уолти взял его, к уш-
ку поднес. А там Фрэдди орет что то, не своим голосом. Что
то вроде: «Эйсид сплитс»... но жарче. С таким... анана-
совым послевкусием. А Уолт – радость наша – ему:

– Чувак...

Уолт хотел было шуточку дорассказать, да забыл ее. По-
этому телефончик на кожаное сиденье бросил, да дальше по-
ехал.

Едет Уолти, едет, волосы крашенные на ветру развивают-
ся. Щетинку легкую обдувает, бровки, покрытые водой из-
под умывальника, сушит.

7. Офицер

Бинг сидел в кабинете. В этот раз, принадлежащий офицеру полиции Винсану Уилкинсу, чье морщинистое лицо, наминавшее киви пятидесятилетней давности, спасала лишь седая щетина.

– Бинг... – Винсан опустил голову на кулаки, обнажив свою лысину, – удели мне немного своего времени.

Бинг цокнул и, оттянув кончики рта вниз, дав тем самым Уилкинсу увидеть напряженные вены и артерии мощной шеи шеф-повара, сказал:

– Ух... понимаешь, кажется это единственное, чего я тебе не позволю трогать, – он почесал шею и развел руки в сторону, будто бы приглашая Винсана обнять его.

За спиной Винсана виднелся плакат «Данди Юнайтед». Ненавистный футбольный клуб. Мерзкие арабы.

– Мандариновые давненько не выигрывали, а? – Бинг взял со стола Винсана коробку с конфетками, от которых шел приятный запах мяты, – лет... шесть? Восемь? Целый десяток? Что-то я потерял счет времени.

Винсан скрестил руки на груди, оградив от себя Бинга. Это территория Винсана. Он здесь босс.

– Послушай... – Винсан уставился на Бинга тупым взглядом, – рак – это не очень то хорошо.

Бинг слушал. Со всей внимательностью.

– Но избивать из-за этого человека, – в голосе офицера звучало разочарование, – просто неправильно... пожалуйста, положи на место. Это вещдок...

Бинг продолжил рассматривать стену за спиной Винсана. Портрет жены – тощая, как проклятый Резерфорд. Глаза бусинки карего цвета. Жирафья шея, покрытая родинками – одна, вторая, третья... Бинг бы замутил с ней. И у них родились бы дети. Чарли, Купер... было бы классно.

А потом... потом Бинг кое-что понял. А понял он следующее: он и иррациональный гнев по сути одно и то же. Синонимы. Всякое действие, что он творил, все злодеянья, что совершал, все было движимо внутренним голосом. «Оно», как говорил Фрейд. «Сверх я» не было развито. Всю жизнь Бинг совершал вещи, не имеющие логического объяснения. Выстрел в жену. Избиение врача. Малейшее подозрение в желании не угодить – верная смерть для свершающего зло против Бинга. В результате – пустота. Отсутствие удовлетворения. Может, стоит опуститься... глубже.

Бинг закинул в рот мятную конфетку. Повар прикусил ее и розовая жидкость со вкусом смекты спустилась по горло. Вниз. И Бинг спустился вниз.

Глубже.

П

Р

ОСТ

О Дичь...

Бам

Столик пять. Столик пять. Официант ед

Е

Т

Вниз

Глубже

Клоуны = вата

ПолетEEEEEEЕЛи

Вниз

Вата. Сахар.

Глубже

МРОЖ. Морж. МОРОЖ. Жером.

МММММММ.

н

К

О о оо о к у

Ллллллл

МО

РО

ЖЕ

НО

EE

И Бинга стошнило. На ковер Винсана. Тот, вскочив, побежал к начальству, неуверенно, как ребенок.

Лежа там и смотря вверх, Бинг понял, что ему нужно. Ему нужен мороженщик. Тот, что сбил его отца. Он найдет его. И

кое-что сделает. Он понял, что ему нужно разобраться с ним перед смертью. Со своей травмой. И никто его не остановит.

Но времени мало. Ему остался месяц.

Отсчет пошел!

8. УМНИК

А Ригби был умным. Позвонив Бингу, су-шеф узнал, что судьба помогла ему одолеть врага. Нет сомнений, лорд Эндрю помог. Офигеть можно. Сломал стопу, был осужден за избиение, теперь будет суд, иски, деньги и все дела. И... кажется у Ригби есть возможность засветиться. Пробриться в высшее общество, где ему и место. Стать кем-то, а не чем-то. Не су-шефом, но шефом. И порадовать маму. Самое главное, не сомневался он не на секунду.

Придя на работу через пару дней, Ригби, первым делом, умылся. Почистил очки и зализал волосы. Выйдя из душа, он отмахнул дым скворчащих котлет от своих зеленых глаз. Глаз, которые скоро будут висеть на стене коробки, переполненной всевозможной дрянью, некогда бывшей комнатой и принадлежавшей Бингу. Почему бы не проверить ее прямо сейчас?

Ригби зашел в кабинет. Вонь от спирта, разбитые бутылки, чьи осколки воткнулись в стены, тем самым разорвав обои, отклеенный кусок, свисающий вниз. Ригби присел на кресло, предварительно закрыв за собой дверь. И осмотрел этот ад. Разбитый телевизор, поломанный котел, настолько сильно покрытый накипью, что трудно поверить, что это когда-то называлось котлом. Разрезанные листки бумаг – часы кропотливого труда – лежащие на дубовом полу, с выдолб-

ленной росписью шефа – последний акт самолюбования. А что же это у нас на столе... «Колдплэй»?

Ригби, первый раз встретившись с Бингом, пришел к выводу, что такой человек по любому тащится от «Крэндбэррис», «Ю ту», «Год из эн остроног», «Шаутинг эт Плэйнс». Ирландски рок-группы, чьи исполнители – по напору и денежному состоянию – походят на внешний и внутренний мир шефа. «Франц Фердинанд» и «Тексас» по любому уступали место ирландскому духу, считал Ригби. Ригби, на минуточку. Из шотландского рода Резерфордов. Как говаривал его дедушка, отвечая на вопрос внука о пониженном количестве туристов, посещаемых их страну – официальная статистика утверждала, что ежегодно количество иностранцев, отправляющихся в их страну для саморазвития, уменьшается на ноль целых четыре сотых процента каждый год -, понижая голос для пушей солидности: «Зачем ехать в Шотландию, когда есть... Ирландия!»

Ирландская культура всегда была и остается величайшей культурой Великобритании. Чтобы там не втирала Королева Елизавета, стараясь собрать все воедино, говоря об объединении, о равенстве, все сводится к одному: Ирландия просто круче. На дворе двадцать первый век, какое богатство истории? При чем тут изобретения? А исторические лица? Плевать на Давида Ливингстона! И на Вальтера Скотта! А вот Джеймс Янг Симпсон классный – лучший шотландский гинеколог. Сейчас мериллом величия являются туристы. Будь

твоя страна хоть трижды богата нефтью, без туристов она превращается в отсталое мессиво. На подобии...

– Шеф! – слышится за стеной.

Ригби хотел было вскочить, но после понял, что пока он лишь су-шеф. В двери показалась взъерошенная фигура. Парень явно был под ЛСД, мало походил на человека. Из рта существа текла пена, глаза излучали космическую энергию зла. Опять надрался, подумал Ригби. Разочарованию су-шефа не было предела. Бинг самым невероятным образом вернулся рано, не задерживаясь в участке на долгие недели в ожидании мероприятия, во время которого кучка обезьян, пытаясь строить из себя крутых ребят, орали на другую кучку обезьян. Короче, суд.

«Не бось друг помог выкрутиться» – подумал Ригби.

Тут, Резерфорд вспомнил о своей подготовке и о шутках, которыми он сразит наповал несчастного шефа. Прокрутив в голове всевозможные варианты, Ригби решил, что как ни как кстати подойдет анекдот про ножки и курицу. Ригби открыл рот.

– Смотри, – начал на удивление спокойно Бинг, – я...

Для Ригби подобное обращение было неожиданностью. Обычно Бьерсон матерился, кидался овощами, называя их «агрегатом плохого настроения».

– Я тут избил мужчину, – продолжал Бинг, почесывая выпяченную от напряжения вперед челюсть.

«Я этого женоподобного педика тоже изобью» – Бинг дер-

жал это при себя, специально крепко держась за стальную дверную ручку. Бинг пытался ко всем проявлять уважение, но гомофобные наклонности его давних предков на многое влияли. И да, все верно, Бинг считал Ригби геем.

– Но... у меня были основания, – Ригби с трудом сдерживался, – у меня...

– Вы, – перебил его Ригби, вернувшись к свойственной ему галантности, – напились? Извините за резкость, просто этим вы часто... грешили.

– Пошел нахер! – Бинг перешел на крик, чуть ли не тыча пальцем в глаз Резерфорду – Это не у тебя в башке опухоль размером с мячик для регби!

Нижняя челюсть Ригби приоткрылась. Он... не знал что сказать.

– Прошу прощения... – присев от удивления, он добавил, – мне жаль.

Ригби почувствовал себя как тот, кто падает у финишной ленты. Вроде бы победа была близка, но ты остановился, когда тебе остался всего лишь шаг. За все свое время, что Ригби тут проработал, он ненавидел три вещи: готовить нисуаз, десерты и Бинга.

– Пошел ты... пошел нахер со своей жалостью! – Бинг брызжал слюнями на запотевшие очки су-шефа.

Бинг понял, что если будет разговаривать с Ригби в таком тоне, то помощи точно не получит.

– Слушай, Ригби, – обратился по имени, что было про-

мыслом, не иначе, потом зачесал гнездо, что росло у него на голове руками, – мне конец.

– Сколько вам осталось? – кажется, Ригби впервые испытывал сочувствие к шефу.

– Мне? – Бинг ткнул указательным пальцем в грудь. – У меня в мозгу долбаный кусок камня. По самым смелым прогнозам мне осталось жить месяц, может два...

Бинг сказал это очень просто, с какой-то досадой.

– Уф! – опустив брови и вытянув губы трубочкой, протянул Ригби.

– Ага-сь.

Бинг сел на кресло, стоящее у соснового стола, вытянул ноги вперед и сложил пальцы, создав щит, прикрывающий пах, подобие дамбы.

– Я, – начал Ригби, – могу чем-либо помочь?

– Неа, – Бинг вспомнил причину своего прихода, – то есть... можешь. Собственно, поэтому я не пошел прыгать в Туид.

Это не было шуткой. Бинг всерьез хотел утопиться там после смерти жены, после поставленного диагноза. Конъюнктура его не просто не устраивала, но и вынуждала думать о самоумерщвлении.

– Я... чувак, мне нужно, чтобы ты попросил Трэвиса пробить один машинный номер.

Надеюсь, у вас не будет вопросов касательно этих слов. Думаете, почему у Ригби в холодильнике не было ничего,

кроме молока и мороженого.

У каждой крупной идеи должна быть организация. Она есть и сушистов, кондитеров, мясников, соус-шефов. Крупные организации имеют свои подпольные, секретные – цыц! – места, где встречаются и обсуждают, что на повестке месяца, кто жив и так далее. У морженщиков она появилась относительно недавно, но стремительная эволюция предприятия помогла модернизировать неразвитые ранее технологии, в результате чего мороженщики стали почитаться как никогда. Их технологии позволяли пробить любой номер машины и найти по нему информацию обо всех владельцах. Имя, возраст, рост, семейное положение. Благо, Бинг помнил номер. С того дня, вспоминал его каждый день.

Бинг посмотрел Ригби в глаза и сказал:

– QR33ESW.

– Но, – Ригби был слегка озадачен и стал подергивать едва видневшиеся усики, – зачем?

– Э... – Бинг привстал, – ну, типа, это имеет значение? Ты мне все-таки помочь хочешь.

– Да, – Ригби вздохнул, – точно.

9. Счастье

– Бабы! – гоготал Фрэдди, любуясь, как девушка за стойкой бара, такая низенькая, как детский шкафчик, пытается достать до верхней полки, где стоял «Бэллентайнс», – Чокнутые...

Фрэдди отхлебнул пива и бросил бутылку в другой конец зала. Когда та, стукнувшись об стену, издала неприятный звук, напоминавший звуки лопнувшей струны, уменьшенный в два раза, Винсан решил сделать первое замечание – замечание!

– Послушай-ка, может тебе успокоиться...

Винсан сказал это так резко, что Фрэдди выронил из руки сигарету, упавшую на березовый пол, оставив там тлеющий огонек.

– Не кипятис-сь! А то выглядишь как те с-сранные активисты, – хрипло промолвил Фрэдди.

Фрэдди щелкнул пальцами и подозвал симпатичненькую официантку с крашеными волосами. Зеленые локоны ложились друг на друга, становясь похожими на древневосточные узоры.

– Слушай, крошка, принеси-ка кальвадос, – хрипит Фрэдди.

– «Бине-руж» или «Сен-Мартен»? – нежно, как младенцу, говорит она.

– И то, и другое, – говорит он, подмигнув.

Она удаляется в комнату, дверь которой подсвечивается фиолетовым неоном. Дверь с надписью «Le Petite Boutique de Lucerne». Французская лавка, основанная датчанином. Фанатеющим по Франции. И «The Beatles». Разрабатывающим свой собственный кальвадос, по рецепту отца датчанина. Рецепт, включающий яблоки, выращенные на ферме в Шамбери. Рецепт, которым он делился только с определенным кругом лиц, чаще всего со своей семьей. И о котором не знали Винсан и Фрэдди, что уж там до рядовых посетителей.

Девушка вышла из комнаты, неся на подносе бокалы с благородным напитком. При виде их, Фрэдди почувствовал выделение слюны во рту. Слюна, теплая и плотная, скопилась там не просто так. Не все напитки делаются из яблок. А Фрэдди яблоки очень любил. Собственно, поэтому он и почувствовал такую тягу к кальвадосу. Так захотел попробовать его.

Фрэдди опорожнил бокал, еще один. Раздвинув руки в стороны, похрустел спиной. И начал проповедь. Как всегда.

– Пос-слушай, – говорил он, от восторга постукивая пальцами по столу, – я вс-се буду делать, чтобы с-скотты приняли коммуно-с-социалис-стичес-скую с-сис-стему.

Винсан слушал Фрэдди, облокотившись на стол рукой и положив на нее голову.

– Долбанные америкос-сы навязали нам с-свои правила. И с-социалистам пришлос-сь уйти в подполье.

Винсан видел в Фрэдди оратора, родившегося в неудачное время. И не в том месте. Он вполне мог бы стать легендарным римлянином или французом... ох, не будь в его речи мерзкой «с»!

Офицер протер глаза. Рукой, покрытой шрамами, как в «Джанго» с Франко Неро. Голубые вены выпирали и походили на дождевых червей, которых вы можете найти в лесах таких стран как Норвегия и Дания. Ногти, потрескавшиеся с возрастом, придавали рукам зловещую ауру.

– Америкос-сы... – пытался помпезно выделиться «с» Фрэдди.

А Винсану было все равно. Он вспоминал.

Когда Бинг, его друг шеф-повар, убил свою жену из ружья, Винсан знал, что нужно делать. Он помог свалить все на несчастный случай. Будучи офицером полиции, Винсан имел неограниченную власть и авторитет. Поэтому спокойно договорился с нужными людьми.

Однажды, сидя в кабинете, холодный дождь набарабанил ему:

– А зачем ты помог этому нигилисту-психопату. Где мотив? А где выгода?

А выгоды не было. Как и мотива. Просто Винсан считал Бинга другом. И тем, кому нужна была его поддержка. Желание помочь больному человеку – Бинг таким и был, не сомневайтесь. Полный псих с кучей комплексов, ставший таким из-за смерти отца. Бинг всегда был крайне вспыльчив

и агрессивен, но это не его вина. Однако Винсан помогал не только из-за травмы шеф-повара, полученной в детстве. Им двигало стремление поступить по-мужски, принять волевое решение. Старый, как дедовское трофейное ружье, Винсан чувствовал неудовлетворенность, которую стремился... упразднить. И тогда, спасая Бинга от неминуемой кары, он чувствовал себя счастливым. И уверенным. И Винсан сделает все, чтобы осчастливить друга. И вновь почувствовать себя уверенным.

Винсан смутно помнил, что случилось тогда. Простой вечер с пивом. Просто приятная компания. И мужик с винчестером, убивающий человека на твоих глазах. Винсана не пугала кровь и расчлененка. Профессия заставляла его каждый день видеть такое. Как люди, пытавшиеся ограбить банк, оставляют за собой кучи трупов. И разбросанне по полу банка кишки. Но то были незнакомые Винсану люди. Какие-то пиксели, букашки из земли. А девушка, застреленная пять лет тому назад была женой друга. И застрелил ее не какой-то левый чувак, а сам друг!

Винсан не знал чего хотел от жизни. Не знал, что ему делать. Не вдел во всем смысла. И когда его лучший друг убил жену, сразу же обрел. Мы не видим в жизни смысла, пока окружающие нас люди не начинают страдать.

Винсан нашел свой смысл. Смысл в помощи Бингу.

– Повторите, – сказал Винсан официантке, показав на бокалы, стоящие возле племянника.

10. Деревья

Ригби шаркал по тротуару, направляясь к церкви. Церковные витражи, нависая над простыми смертными, заставляли адреналин выделяться со скоростью реновации в Италии. Любят они церкви, особенность менталитета. Иова, держащий молитвенный свиток – шотландцы сохраняют Библейский текст! – вырывается из чрева огромного кита-испалина. Хвост кита завивается, образуя кольца, напоминая то, что ел Ригби на днях в рыбном ресторане. Пустые глаза кита, прикрытые огромными веками, вводили Ригби в трасн, состояние... фрустрации. Он начал сомневаться в рациональности замысла.

Обогнув белое здание с возвышающимся крестом, Резерфорд вышел к парку. Зайдя, он услышал всевозможные запахи. Розы и орхидеи. Попкорн и жареная кукуруза. Все сливалось в огромное нечто, переполненное прелестями повседневной жизни. Мириады цветов встретили Ригби на подходе к высотным зданиям – фургоны с фастфудом, кстати, пропали. Там, су-шеф продолжил восхищаться твореньями Божьими.

Когда-то давно, на месте садов были широкие поля, где в метре друг от друга, одной кучей, росли сосны. Смола с со-сен попадала на листья, те лучше росли и питали насекомым своей пылью. Насекомые насыщались и оставляли деревья

нетронутыми. Сосны всегда были умнее людей. Они могли продумывать свои планы на много лет вперед и делать превеликие подсчеты в голове – за три секунды! Деревья, в отличие от собратьев по планете – людей – были благородны. Не были они движимы похотью, алчностью. Не убивали своих сородичей, не грабили. Можете, посмеявшись, выкрикнуть, что у них просто не было возможностей. Ошибаетесь. Деревья взрывали врагов на расстоянии, используя свои корни в качестве оружия, дабы заставить человеческие молекулы, аккуратно прикоснувшись, расширяться до невероятных размеров. Люди разрывались, а деревья – в душе – смеялись.

Спустя многие десятки лет, экология лишила деревьев чудной способности. Бесчисленные фабрики, выпускавшие дым – результат их производства – в воздух. Корни деревьев ослабли, способности иссякли. И люди начали сносить их на бульдозерах. Поворотные отвалы рубили древесину, заставляя деревья корчиться в агонии. Тоже в душе. И со временем, людские пороки изничтожили деревья. Избавились от прекрасных существ. Поэтому появился рак.

– Возможно, – бубнил себе под нос Ригби, перекладывая в руках четки, – не убей бы дед Бинга дерево, не было бы боли. Он бы жил в свое удовольствие, а я... Я вынашивал бы планы дальше. А потом слетал бы на Мальдивы. Перебыюсь, в Англию.

До него дошло. Резко. Из ниоткуда. Настоящее озарение. Ригби продолжал путь, но намеренья уже не были прежни-

ми. Резерфорд постучал по ребрам. Удар в голову – все перевернулось.

И Ригби пришел к мороженщикам. В тусклых подвальных помещениях, переполненными огромными шкафами, под каждый из которых был написан специальный код, стоял запах металла. Того металла, что мы чувствуем, потирая нос, после передачи ключей. Тот же запах, пирходящий с поездами на станциях.

Ригби прочистил горло, заметив своего друга Трэвиса. Колонча – попробуй задуши из-за спины. Волосатое огниво, свисающее с подбородка. За стеклами круглых очков виднеются карие глаза.

– Ригби, – сказал деловито Трэвис, протягивая руку, – все в порядке? Нужно с чем-то помочь?

Ригби кидает в руку к Трэвису свою кисть, которая, через мгновение, начинает походить на дохлую рыбу.

– Да, – спокойным был голос су-шефа, – мне нужно пробить номер.

– Номер? Типа, автомобильный? – Трэвис положил руки на пояс.

Ригби задумчиво смотрел, убрав руки в карманы. Он обдумывал то, что будет делать дальше.

– Да. Автомобильный.

– Эм... давай.

Трэвис сел за стол и ввел пароль для компьютера.

– Какой номер пожелаете? – спросила колонча, наливая

попутно зеленый чай.

–SQ56AZW, – громогласно молвил су-шеф, – записывай.

11. Мухи

Бинг шел по городу, а холодный дождь летел по небу. Они дополняли друг друга. Капли падали на кожу Бинга и становились частью огромной орды. А те, кто потупей, кто не додумался попасть на кожу повара, пролетали мимо и испарялись при соприкосновении с поверхностью.

Тучи сгущались над Эдинбургом. Вечерело. Бинг хотел было купить пива, не набухиваться, а так, чтоб к семенникам прилило, однако работоспособность сильно бы ухудшилась. А Бингу этого не нужно было. Только не сейчас.

Повар достал телефон из кармана пальто. Телефон, покрытый катышками ткани, придававшим коробочке вид своего владельца. Звук, создаваемый при ударе об колокольчик, раздался пару минут назад. Пришло сообщение от того, кто пишет раз в год – на Рождество и День Рождения. От Ригби. В сообщении говорилось, что он, Ригби, из уважения к нему, Бингу, побеседовал с тем самым Трэвисом, который, из уважения к нему, Ригби, и проблеме шефа, Бинга, соизволил прислать данные о владельце фургоном с мороженым под данным поваром номерным знаком.

Шеф двигался навстречу дождю, стремясь дойти до поставленной цели, которая, к удивлению поварского дуэта – назовем так Бьерсона и Резерфорда – была не так туманна, как им изначально казалось. Все сведения на руках – чело-

век, место, время нахождения. Человек, который не был простым наркошей, как считал Бинг. Человек, не спустившийся на дно, к маргиналам и неформалам. Тот, кто стал поваром – как?! – даже более известным в городе, чем Бинг. Тот, чье имя было Густав Вдорн.

Повар, выросший в англиканской семье, в Вулвергемптонне. Повар, приготовивший первое блюдо, кулинарный шедевр, в возрасте пяти лет. Тот самый Густав. Столь ненавистный посетителями притонов из-за ярко-выраженной неприязни к наркотикам. Мужик, не пшикаешь, молодец! Но других хоть не лишай удовольствия.

Густав своей благотворительной деятельностью не вызывал ничего, кроме истерических смешков. Хоть кого-нибудь трогало его желание помочь увеличить популяцию ядовитых змей, – я серьезно, если что – а клуб анонимных любителей ацетилированного опия...

Помните: «Благими намерениями вымощена дорога в ад». И если это так, то Густав начал строить скоростное шоссе. В две тысяча пятом у «легендарного» повара появился официальный фан-клуб. А потом сайт. Стоило обратить внимание на то, что назывался он... «Свидетели Густава». Перейдя по ссылке, вы оказывались на странице, где крупным планом изображалось лицо повара. Небритое, с впалыми глазами. Выбрать можно было между тремя темами: «Как приготовить «Стейк Густава» за три фунта», «Мерч», «Культ». В разделе про стейк можно было посмотреть обучающее видео,

где толстый шеф нарезал ножом куски мяса. В разделе мерч – приобрести футболки с лицом повара. В разделе «Культ» – вступить в культ. Приобрести и футболки, и рецепт стейка. И список фильмов для просмотра. Густав рекомендовал следующие проекты, чтобы понять его мировоззрение:

«Глаз черного кота» (1972 г.)

«Короткая ночь стеклянных кукол» (1971 г.)

«Суспирия» (1977 г.)

«Кровь на когтях Сатаны» (1971 г.)

«Великий инквизитор» (1968 г.)

К любому из фильмов предоставлялся трейлер и синопсис, а также списки, в которые они входили.

Списки в списках.

Бинг подошел к ресторану. Прозрачные витрины, изрисованные красивыми животными: зебрами и их охотниками, пантерами. Хищники грациозно изгибали спины, приподнимая бедра, готовясь к прыжку. А зебра, с теплотой, внутренним светом, смотрящая на зрителей – будто обкурилась – не подозревает о нависшей опасности. Щелк! Зебра бьется в конвульсиях в зубах пантеры... Стоп. Разве пантеры охотятся на зебр?

Сверху – светящаяся надпись: «Уголок Густава». А рядом – неоновый кусок мяса. Мухи слетаются и облепляют его, забираются под стекло. Получают облучение. Пытаются вылететь, но слепнут и застревают. Потихоньку поджариваются. Глаза вылетают из орбит, мерзкие лапки засыхают. Черная

жижа сочится через все отверстия, стекая на стекло. А муха сохнет. Яркий свет – пульсирующая боль во всем теле. Миг – муха превращается в уголек. Хоть мясо жарь.

Все мы мухи.

Бинг открывает дверь – холодная ручка, каждое прикосновение расслабляет. Поворот – звук как в церкви.

Скрип несмазанной ручки.

Свет бьет в глаза – лампы расставлены всюду. То ли люди слабовидящие составляют основной контингент заведения, то ли яркость символизирует взгляды Густава и его, густавских, последователей.

Бинг проходит и слизистая носа начинает гореть – запах стейков на углях, жар от обугленных кусочков. Глаза слезятся, жидкость стекает по щекам и падает на пол. Бинг – вылитый Гэтсби. Пройдя вдоль стены, Бинг видит барную стойку. Там – молодой бармен, весь в пирсинге. Размешивает коктейли – с клубникой! Бинг подходит к пареньку.

– Слышь, пацан, – обращается Бинг.

– Че, сэр, – голос только ломается, совсем юнец.

«Чертово правительство, – подумал Бинг, – чертовы дети».

– Будь другом, где мне найти... Гус... Густава, – Бинг разглядывает сообщение в телефоне, – Густава... Ядрить! Я это, черт возьми, читать не буду.

Бармен припускает очки и разглядывает сообщение, прищурив глаза.

– Вдорн. Густав Вдорн. Босс сейчас курит на улице. У него обеденный перерыв.

Бинг разглядывает окружение. Пары, пьющие вино вприкуску с сыром. С мясом. С хлебом. А рядом шашлычок...

«Гребаный Екибастуз... – родилась мысль, – они чертовы извращенцы».

И впрямь, продавать шашлык в ресторане, который рекомендуют посещать даже самым преданным фанам Ирвина Уэлша, которым начхать хотелось на культурные достопримечательности, лишь бы увидеть дом Марка Рентона, было пиком извращения. Ни один – НИ ОДИН! – ресторан не опускался до уровня продажи шашлыка. Этот Густав, видимо, настоящий псих. И кого, черт возьми, будет интересовать, насколько вкусно он готовит. Конченный урод, он и есть конченный урод.

– У вас кухонька-та у вас гнилая, – цокнув языком, произнес Бинг.

– Че, сэр? – парень-пирсинг высморкался.

– Говорю, кухня – полный отстой. Гребанная дыра.

Бинг покружился вокруг себя, деловито заведя руки за спину.

– Едрена вошь...

Бармен продолжил работу. Бинг, увидя проявленное неуважение, выдвинулся в сторону двери, где было написано: «Выход для персонала. И Дэйва Уоткинса, отца Гарриет Уоткинс, нашей...» дальше неразборчиво было написано то

ли «крот», то ли «грот».

Бинг почувствовал, как внутри что-то оторвалось. Он направился к человеку, когда-то убившему его отца. Монстру, которым пугают в сказках маленьких детей. Бинг раскраснелся. То ли кухонная жара сказалась, то ли нервы. А может рак.

Прохладный ветер ударил в лицо и Бинг сделал глубокий вдох. Густав стоял там. В белом сюртуке и поварской шляпе. Куря сигареты. И пуская пар изо рта, в ночное небо. Вот вырисовалось лицо – точь-в-точь Брэт Истон Эллис. Или... Энди Уоркхол?

Бинг заметил, что темнеть стало быстрее. Еще месяц назад, выходя с работы, он останавливался у берега, рядом с Форт-Бриджем. И любовался закатом. Теперь там была лишь черная масса, в которую были погружены белые хлопья – звезды.

Бинг сделал шаг к Густаву. Неуверенный, робкий. И издал хруст. Проклятая ветка.

Густав обернулся.

«Долбанные поклонники...»

Бинг посмотрел ему в глаза. И хрустнул челюстью. А потом сказал:

–Вы читали «Джинсы мертвых торчков»?

12. Доволен

Ригби шел по улице. Дождик тихонько капал, время от времени заставляя су-шефа морщиться. Ригби поднял ворот куртки и встал под навес, когда заметил усиливающийся поток воды с неба. Очки снова запотели, а Ригби похлопал по ребрам.

Мимо проходил черный бомж. Он покосился на Резерфорда.

«Уйди, – Ригби задергал средним пальцем, отведя руку в сторону, – просто сгинь».

– Маса Ригб! Маса Ригб!

Ригби попытался уйти в себя.

– Маса Ригб, – кричал негр, скидывая грязь с волос, – моя твой вид! Моя твой вид!

Кончик рта Ригби чуть приподнялся. До того убого выглядел негр.

– Я тоже рад тебя видеть, – Ригби тяжело вздохнул.

– Зачем человек и дождь не любовь. Дождь – красота. Бегать, бегать круг во круг!

И бомж начал прыгать с ноги на ногу напевая веселую песенку. Его черные руки, покрытые мозолями, мокли под дождем, и Ригби стал... доволен. Доволен своим положением. Доволен жизнью. Он просто радовался те, что жив. Он посмотрел на ботинки, начищенные еще вчера. А потом на

куртку от «Гуччи». И вновь ухмыльнулся. До того они различались, этот черномазый и шотландец.

Мама всегда говорила, что хорошая счастливая жизнь начинается тогда, когда ты и не думаешь жить счастливо. И что люди не будут такими сердитыми и грустными долго.

– Они не думают о счастливой жизни, – говорила она, – поэтому, скоро станут счастливейшими людьми на земле.

И Ригби старался придерживаться этого принципа. Всегда и везде он...

– Нет! – крикнул Ригби.

– Маса Ригб?!

– Я, я... – Ригби выбежал из под навеса и помчался к «Уголку Густава», – Черт, черт!

Су-шеф видел перед собой, как Бинг молотком убивает невинного человека. Полиция приезжает и арестовывает его. И все. Конец обоим. Людей, один из которых Ригби неизвестен, другой ненавистен, обрекал на смерть он, Резерфорд! Носитель имени лорда Эндрю!

Ригби не мог этого допустить. Поэтому помчался к двум шефам: Бингу и Густаву.

13. Акация

Фрэдди впервые заметил это в кафе, с Уолти. Деревья ходили. Как в «Ранго» с Джонни Деппом. Огромные махины передвигались и ловили автостопщиков, насаживая их на крючки. Вынимая глаза, разрывая ребра. Пожирая сердца, высасывая печень. Поджаривая энергетическими лучами кишки, лопаая мочевые пузыри.

Фрэдди не на шутку испугался. Он звякнул Уолти, проорав:

– Гейский след!

Так... гейский след – фразочка, которая ассоциировалась у Уолта и Фрэдди с чем то плохим. Тут она подходила как нельзя кстати. Фрэдди, выбежал и стал искать друга, датолько тот улепетывал вдаль. Фрэдди пешком добрался до дома и обкурился. Из бульбулятора.

А когда докурил все увидел, как его акация движется к нему, навстречу.

– Привет, Фрэдди, – начала акация, – я акация.

– Привет, акация! – сказал Фрэдди, пуская слюни, – Что ты тут нахрен забыла?!

– Я, – втирает Фрэдди акация, – пришла рассказать о вреде наркоты.

– Наркоты?! – спрашивал Фрэд, – Наркота не вредна.

– Ты прав, – отвечает акация, опустив листья, – вредна

политика.

– А политика чем тебе не угодила? – Фрэд напрягся.

– Понимаешь... политиканы не принимают мер. Они придумывают войны, сводят детей с ума домашними заданиями, доводя до суицида. А еще подсаживают на викодин, ЛСД, кокаин да и просто легкую травку.

– Охереть, – Фрэд изобразил пистолеты из пальцев (девять миллиметров), – Пиф-паф.

– А, – спокойным голосом отвечала акация, – ты убил меня.

Они просидели так еще час, беседуя о политике и мировоззрении. А потом, после пяти выкуренных бульбуляторов, акация сказала:

– Пора умирать.

– Что?! – удивился Фрэд, – Ты... о чем нахрен говоришь!

– А ты как думаешь? – акация стала серьезной как никогда, – Ничто хорошее не длится вечно. Даже растениям приходит конец. Это жизнь.

– Я знаю, – отвечал Фрэдди, – конец приходит и суперзвездам, и животным. Даже Курт Кобейн выпилился...

Акация, светло-зеленая, нагнись и поцелуй, смотрела на Фрэдди и ждала его действий.

– Я... – Фрэдди глубоко вздохнул, – надеюсь я не зря прожил жизнь.

Он затыкнулся и пыхнул.

– Не зря, – отвечала акация, – ты хотя бы... старался жить.

И не кончил жизнь раньше положенного срока.

Фрэдди встал с пола. И взял ружье, лежащее в шкафу. Он поднес его к подбородку. И выстрелил. И пока он летел вниз, в ад, и пока его тело в реальном мире, обмякнув, падало, пока его мозги стекали по полу, а бульбулятор заполнялся кровью через отверстия... его ждал Кобейн.

Курт подошел к Фрэдди и, отбросив длинные волосы назад, сказал:

– Вверх, вверх, вверх и вниз...

А Фрэдди подхватил, начав крутиться на месте:

– Поворот, поворот, поворот.

А Курт:

– По кругу, по кольцевой развязке.

А Фрэдди:

– Пистолет, пистолет, пистолет...

В скором времени они должны были оказаться на Страшном Суде. Демоны уже готовили сковородки.

14. Отцы

Они обсуждали все. И пили третью бутылку вина. Бинг и Густав. Два повара, против всего мира.

Один, тот, что помоложе, почесывал нос, иногда похрюкивал. Тот, что постарше, стряхивал крошки, застрявшие в щетине, тяжело вздыхая каждые две минуты. Первый – настоящий альфонс, если не обращать внимания на сломанный нос и слой жира, в области таза. Второй – жирный, обними – утонешь, вылитый кит. Первый – Бинг. Второй – Густав.

Они разговаривали обо всем на свете. Об Ирвине Уэлше, о мексиканской кухне, о ножах, о насекомых. Густав, встав и крякнув, рассказал о пауках-людоедах, что завелись на кухне. Приходит как-то он на работу, а там чувак кричит от боли, по полу катается. Кричит: «Пауки! Пауки!» И ногтями сдирает кожу с ноги. Вилкой ковыряется, мясо в сторону откидывает, руки сует, пауков достает. Густав был умнее. Увидев пауков, пожирающих его друга, Бинг выхватил тесак и – ХРЯСЬ! – кость раскололась. И еще – ХРЯСЬ! – икра и стопа остались в стороне, у колени начала собираться лужа вязкой крови.

– Вот! – Густав тычет в висок.

– Охереть... – Бинг опорожняет очередной бокал и трет шею.

– Сечешь? Долбаные пауки людоеды... Если бы не я,

Дрю не стоял бы сейчас за барной стойкой. А вон последний выживший! Беременная самка паука-людоеда... А Эллис? Мой су-шеф? Надрался и избил мужчину в гей-клубе.

– Погодь, – Бинг заглотнул скопившуюся массу соплей, – он че, педик?

– Врубашься? Конечь педик. А ты думал? Мы все педик. Даже я.

– А... – Бинг почувствовал, что начал вырубаться, – правительство вам... разрешает?

Густав встал и взял очередную бутылку вина потной рукой. И вытащил пробку длинными ногтями.

– Конечь... – он отхлебнул из бутылки и плеснул Бингу, – главное иметь жену. И производить розовых уродцев, чтобы у правительства всегда были рабочие.

Густав почесал щетину, и крошки одна за другой повалились вниз, создав подобие гор – муравьиных размеров.

– Кста, Бинг, наши папки-то принимают решения.

– Что? – удивился полуспящий Бинг.

– Ну... наши папки. Отцы. Я про то, что геями не рождаются. Ими становятся. Мой отец – открытый гей. Он моей маме все уши этим прожужжал. Я и думал, отлично! я видимо тоже педик. Я про то, что отцы всегда определяют детей. Если они хорошие, то и ребенок будет хорошим.

– А... – отключался Бинг, – а политиканы? Продажные свинья?

– Продажные свинья, – Густав откинулся на спинку сту-

ла и стал долбить пальцем в стол, – не при чем. Даже абсолютная монархия будет казаться пиком твоей свободы, если твой папка убеждает тебя в этом.

Густав потянулся.

– Отцы важны...

Они просидели так пару секунд, уставившись на пол, на кусочки хлеба с бороды Густава. Затем, Густав, подвинув банку с пауками-людоедами, взял таблеточки и стал закидываться.

– Без них – мы просто нечто, походящее на человека. Людская биомасса... Кста, зачем ты пришел?

Бинг посмотрел в левый глаз Густава. В серый шар. Который начал краснеть на глазах. Таблетки подействовали.

– Ну... чувак, ты убил моего отца.

– Что?!

Густав вскочил.

– Да, как ты можешь, тварь?! Как ты можешь такое говорить!

И Густав ударил Бинга. Оба были... слегка охмелевшими. И потому так остро реагировали.

Густав ударил Бинга по носу и кровь начала литься на пол. И еще раз ударил. Косточки залетели в глотку. И еще раз. Глаза стали жечь.

– Моя жена живет этажом выше! И ты смеешь такое говорить! Она слышит наш разговор, тварь!

Густав сломал Бингу пару ребер. И руку. Шеф-повара, ер-

зающего в конвульсиях, стошнило на ботинки шеф-повару, стоящему сверху.

– Я тебя нахрен изувечу! Яйца вырву и скормлю псу!

Густав посильнее пнул Бинга в лицо. Голова откинулась и зубы разлетелись по разным углам, оставляя кровавые следы, будто бы были трупами, перетаскиваемыми зимой по заснеженному полю. Густав схватил нож и хотел ударять в висок.

Густав не знал, что избивать Бинга не было смысла. Ведь его жена пару минут назад выпила банку – целую – с краской.

Краска сочилась вниз. Она лежала, а краска прожигала пол. Краска с кровью.

Она начала капать вниз. На лицо Густава. На щетину. На крошки хлеба, которые она, жена Густава, клала мужу на протяжении года. Она давно хотела покончить с собой и мужем. И написала, чтобы тот – если, конечно милый соизволит! – поднялся наверх и откачал ее. Краска бы попала на щетину, а дальше...

Кап-кап.

Резкий хлопок. Искры разлетелись в разные стороны. Дым начал выписывать красивые приуэты в воздухе – гимнасты бы нервно курили в сторонку. Мозг Густава потихоньку вытирал на пол, а его труп, шлепнувшись вниз, издал звук, похожий на тот, что слышим мы, запихивая жирный стейк в мясорубку. На потолке образовалось кровавое пятно. Из костей и костного мозга.

Голова Густава взорвалась. Крошки не были крошками – химическими таблеточками. Создавшими такую бурную реакцию.

Избитый Бинг лежал и кашлял кровью. Он понимал, что в таком состоянии – рак никто не отменял – ему придет конец минуты через... две-три. И он приготовился умирать.

На его лицо шлепнулся костный мозг бывшего шеф-повара Густава.

15. Анализ

"Разбежавшись, прыгну со скалы..." – бубнило радио.

Ригби несся на машине, читая про себя всевозможные молитвы. Он просил прощения – чтобы не попасть в ад, не гореть там, не стать куколкой для битья у дьявола.

Резерфорд нервно крутил глазками и барабанил по ребрам – успокойся, ты же су-шеф, предок лорда Эндрю!

"Вот я был и вот меня не стало..."

Ригби всегда успокаивал себя мыслью, что он потомок древнего рода. В самых худших ситуациях – сейчас именно она – он сохранял спокойствие, ведь знал, что лорд Эндрю ему поможет. Всегда. Неважно прав он, или нет.

"И когда об этом вдруг узнаешь ты..."

Писк оглушил Ригби. Это был телефон, уведомление. И сообщение.

– Нет...

От Бинга. Ригби почувствовал, как мурашки пробежались по телу – все равно что бросить на него угольки. А затем стейк. Прожарить его хорошенько, подать на стол. И употреблять только с бокалом вина "Пино Нуар". Не иначе.

Ригби задумался.

"Был ли смысл в моем поступке, – думал су-шеф, – все-таки человек болен и планировал... убить убийцу, получается! Я хороший человек, просто иррациональный."

Телефон вновь пиликнул.

– Нет...

Ригби заподозрил неладное. Будто сейчас...

Он взял кнопочную коробочку. Включил. На экране высветилась игра про змейку. Зашел в сообщения. А там – пять слов:

«Ты не Резерфорд. Вот анализ».

"То поймешь, кого ты потеряла..."

16. Педик

Винсан занес его в машину. И вколол адреналин – чтоб сердечко побилось. Бинг лежал на кожаном сиденье, от которого исходил запах лимонной жвачки. Винсан, вцепившись в руль, начал проповедь:

– У нас мало времени. Не смей перебивать... пожалуйста. Я тут беседовал с племянником, с Фрэдди...

– Который? – Бинга покидали силы, – Зубастый?

Винсан сдержал внутренний гнев.

– Именно, – продолжал он, – он...

– Наркоша?

Бинг попробовал привстать – печень болела.

– Да! В общем его друг – парень по имени Уолтер.

– Уолтер? – Бинг был рад, что остался в живых.

– Он красит волосы и набил на шее тату с группой «BTS», – Винсан скрипел зубами, желая быстрее продолжить.

– Женоподобный педик? Опять?

Бинг хотел выйти из машины и уйти, свою задачу он выполнил, Густав мертв, груз с души спал.

– Он...

– Педик?

– Твой отец. Который приедет в ресторан через, – Винсан, сделав наигранный жест рукой, посмотрел на часы, – через

пять минут. Фрэдди его хороший друг. Он сказал, что Уолт был на фестивале, где имел связь с твоей матерью. Он бросил тебя, хотя Линн пыталась дозвониться. Ее парень, который впоследствии стал мужем, погиб под колесами фургона с мороженым. Мне жаль.

Бинг пошерудил в карманах. Только мупер клей. Для розыгрышей коллег. Бинг вышел из машины. Штаны были мокрыми. Такой походкой он пошел в ресторан. А перед этим спросил:

– Куда он обычно заходит первым делом?

17. Уолтер

Уолтер был в том возрасте, когда женщины не интересуются твоей персоной, а если и интересуются, то только если ты им заплатил. Уолтер не хотел взростеть, поэтому красил волосы и набивал татуировки с разными звездами. От Марлона Брандо до Джастина Бибера. От Шона Коннери до Пита Дэвидсона. Бесчисленное множество лиц. Его гордостью, без сомнений, являлась группа BTS. То ли японцы, то ли корейцы, но в мире себя заявили. И давали Уолтеру шансы замутить с девушками, которым группа нравилась. Он был красавчиком лет тридцать назад...

Тогда на концерте "T in the Park" к Уолту пришло озарение. Покончить с собой как его кумир – Курт Кобейн. Он пошел в нужник – традиция судить о месте по общественному туалету передалась Уолтеру от отца, который был сантехником. Закончив все свои, кхм, дела, Уолт вышел к раковине. И навел в рот дробовик – двуствольный, медный. Щелчок. И тут раздался голос Линн. Это был женский туалет.

Теперь представьте картину. Парень, только закончивший первый курс университета, среди шотландского женского туалета, ожидая выступления "Колд Плэй".

– Ты же знаешь, что может быть осечка?

Уолтер пытался прогнать ее.

– Гу-гу-гу, – махал он рукой, бубня чушь, из-за глубоко

загнанного дула.

– Или как с моим братом Троем. Дробь вышибла ему челюсть, а он остался жив... на какое-то время. Потом повесился от постоянной боли.

Уолт сразу поник. И затея не казалась ему столь радужной.

– Все вы фанатеете по гребанному Кобейну...

Ее голос был как чашка кофе утром. Или как холодный душ в Египте. Или как первый глоток пива, после тяжелого рабочего дня. Или как приятная музыка. Хотя кому нуны эти сравнения? Уолту она показалась похожей на Марго Робби. Поэтому он и стал за ней ухаживать. Весь вечер.

После фестиваля они проснулись в одной палатке. Уолтер на нашел на себе одежды, поэтому ему пришлось ехать обратно в Эдинбург в таком виде. И он долго вспоминал отличный вечер. Они напились, как напивался Хэмингуэй. И она сказала, что он... "МИЛЫЙ"!

И Линн долго вспоминала хороший вечер. Пока однажды ее не вырвало у ее парня дома. Пока она не прошла анализы. И не узнала, что беременна. Не от своего парня, ведь они не ногой за эту запретную черту, нет, сэр! Потом родился Бинг. А потом парня Линн, который, на тот момент, уже стал ее мужем, сбил фургон с мороженым.

18. Пауки

Бинг шел вперед. На последний крестовый поход. Весь в крови. Пугая персонал. И гостей. Зашел на кухню, где полиция разглядывала комнату, записывая в блокноты всевозможные детали. Они проводили взглядом зомби, тот подошел к банке с пауком-людоедом. И взял на руки. Полиция ничего не стала делать, ведь офицер Винсан запретил трогать бедолагу.

– Проявите уважение, – сказал он, – шеф мстит за отца.

Бинг направился к туалету – по наводке Уолта. И намазал сидушки трем унитазам. И тут зазвонил телефон. Бинг, взял его и заляпал кровью – снять трубку было невозможно. Он увидел маленького мальчика.

– Поди-сюда, засранец, – сказал он.

Мальчик покорно – не без опаски – подошел к шеф-повару.

– Ответь на звонок... пожалуйста.

– В смысле, – до чего ангельским был его голос, – поговорить с сэром... или мисс...

– Нет, нахрен!

Глаза мальчика стали напоминать два влажных киви.

– Оу... прости, малыш... просто... нажми сюда, в конце-то концов!

И мальчик нажал.

– Как дела милый?

Мэрибэлль даже тут его нашла.

– Слушай, – начал было Бинг, – я не готов говорить...

– Не нужно, – сказала она, – я от тебя уйду. Я нашла лучшего мужчину, Бинг. Сделай одолжение, засунь свое "старая ведьма" анальное отверстие. И почитай Бэлл Хукс...

Она сбросила трубку. Бинг опустил и прислонил спину к стене. Его кадык начал дрожать, словно двигатель "Форда". И он заплакал. На глазах у незнакомого ребенка.

– М-мальчик, – плача выговорил Бинг, не без трудностей, – сделай одолжение, разбей ЧЕРТОВ ТЕЛЕФОН!

– Хорошо, сэр.

Мальчик взял сундук Пандоры и ударил об стену. Стекло разлетелось в стороны и воткнулось Бингу в руку.

– Зачем вам это нужно было, сэр? – спросил малыш.

А Бинг ответил:

– Потому что я хочу быть счастливым.

Бинг пошел в сторону туалет. И увидел утырка с крашенными волосами

Уолтер, проходя мимо, посмотрел на ноги сына.

– Зачет, чувак! – крикнул Уолт, будучи под кайфом, – шикарные ботночки...

Бинг постоял так пару секунд. А когда услышал витиеватую ругань, исходящую из уст отца, направился к кабинкам. Запер за собой дверь.

И разбил банку. И стоял так пару минут. И зашел через

половину часа. И увидел кровавую кабинку туалета. В которой стены был облеплены кровавыми отпечатками. В которой пол был залит кровью. Где Уолтер, славный парень, верный друг, преданный товарищ, корчился в агонии, провалившись вглубь унитаза. Ведь пауки полностью сгрызли его ягодицы, обнажив кровавые кости.

Бинг протянул руку и потрогал щеку отца. Этот Уолтер был представителем самого ненавистной шепом категории людей. Вторсырье. Укурки. Педики. Заболевающие ВИЧем каждый день, гибнущие пачками. Эти наркоши становились мужьями таких же наркош. Женщин, не имеющих моральных ориентиров. И Бингу повезло родиться в хорошей семье. С хорошей матерью. И отличным отцом. Мужественным и погибшим в самом расцвете сил.

А тем временем, Фрэдди вставал. И брал ружье в руки. А когда выстрелил, раздробив челюбсть и разбросав кости с зубами по всей комнате, попал в стену. Дробь пробила и ее. А потом попала в огромную люстру. Люстра стремительно понеслась вниз. И, пробив потолок, застряла в кабинке.

– Пароход мне в рот! – крикнул Бинг, увидя падающую люстры. Его кисть уперлась Уолтеру в грудь.

Люстра, велика, как душа Матери Терезы, едва не проломила кабинку. Бинг чудом уцелел. Острый прут оторвался. И проткнул руку Бинга насквозь, проделав дыру. Рука начала биться в конвульсиях. Кровь пачать куртку Уолтера. Паук-людоед зацепился за возможность и запрыгнув в дыру.

Дробя кости, высасывая мясо. Пробираясь глубже. А Бинг тщательно расковыривал рану, пытаясь изловить тварь.

Паук-людоед заполз глубже. К плечу. Прокусывая тернистый путь. А когда Бинг начал ломать руку, чтобы выловить насекомое, паук заполз еще глубже.

И еще.

19. Любовь

Так, что дальше? Выходит и – ничейный Гордон Рамзи – по улице шагает. Кровища хлещет, по битону стекает. Уолт наш то ли сдох, то ли подыхает. А Бинг время от времени останавливается, кровушкой истечет и дальше пойдет. Зеленые его глаза под искажанными в крови густыми бровями. Бдительности капут – видит двух копов, мозгами не шевелит. Подходит, значит, говорит:

– Сэр, кхм! Как мне пройти к ресторану "Жирный заяц"?

Копы многозначительно переглядываются, типа, под кайфом чувак, с кем не бывает? Ну и провожают его до ресторана. Бинг головушку склоняет, значит.

– Благодарю! – говорит, – Да будут жены ваши здоровы, а младенцы розовы.

А копы, штанишки подтянув, басом молвят:

– Это наша работа, шеф.

И Бинг дверь открывает. И в офис заваливается. И слышит стук. Дверка открывается. Там – Ригби. Ошарашенный. И, пуская петуха, говорит:

– И чего вы добились, а?! – тараторит очкарик.

Бинг глазаньки опускает и под носик говорит:

– Всего.

Ригби весь горит. Щеки – две красные буквы "О" на неоновых вывысках. К столу подходит и такой, типа, праведный.

– Я... я вам помогал!

А Бинг давай голосить! Ржет мужик, а Ригби сильнее краснее. Бинг животик надрыгает, а Ригби хоть бы хны. Посмеялся от души Бинг. И сказал:

– Да кому это интересно?!

Прикиньте, Ригби всерьез считал, что дав плечо шефу, стал его хорошим приятелем. Охеренно блин! Ригби вплотную подходит, чуть не плача, выдыхает горячий воздух в лицо повару. А Бинг, поднявшись, пошел вон. Из кабинета.

В кровище садится он в "Мэрседес", ищет сигаретки.

ХЕРАК!

Балка по стеклу бьет. Бинг поворачивается.

ХЕРАК!

Стеклашки летят в лицо Бингу. Повар отмахивается, матерится. А Ригби размахивает балкой. Как долбаный Чак Норрис.

ХЕРАК!

Бинг – почти слепой – из машины выпадает. Капельки падают на битон. Небольшие алые розы образуются под машиной.

Ригби подходит к Бингу. Тот, полумертвый, ручки вперед выдвигает. И кричит что-то. Что-то вроде... Вроде "нет".

И когда Ригби замахивается, когда Бинг кричит, когда уши повара оглушают обвинения в оскорблении личности, целого древнего рода, когда дождь начинает усиляться, когда кость выпирает, когда алая жидкость попадает на лицо...

тогда Бинг начинает путешествие.

Эдинбург – Париж. Множество улочек, вкусной еды. Мерзких птиц, стоков грязи.

Париж – Нью-Йорк. Куча звезд, здоровский пляж. Пыльные стекла, невыносимая жара.

После, как по инерции, Бинг перемещается из города в город. Из климата в климат. Ест и спит. Плавает и загорает. Сморкается и ломает нос.

Снег, дождь, солнце.

Кремль, Статуя Свободы, Колосс Родосский.

Хот-доги, учпучмеки, тако.

И буритто. И начос. Бинг обожал мексиканскую кухню.

И пока рука шеф-повара – рабочая рука, правая, – выпячивая окровавленный окорок, свисает, в голове Бинг представляет отца. Как знакомит его с девушкой. Женится. И жарит мясо. На природе.

И пока Ригби, плача, убежал, пока дождь усилился, пока люди звонили в скорую, пока машины начинали выезжать... отец был с шеф-поваром.

Бинг так и не написал поваренную книгу.